

весьма удачным: двенадцатилетний царь ничем еще не успел себя прославить, и Хмарный, не имея материала для его характеристики, пишет, каким должен стать новый монарх в будущем. Царственный отрок будет достоин своего деда: он

Даст тому ключ разума народ управлять,
Славу же по вселенной твою расширять.
Той будет премудрейши паче Саламона,
Тебе же, вдовствующей, крепка оборона.
Той победит силою, покорит под ножи,
Воспримет под свою власть страны инны мнози. . .

Прославляя престол и его обладателей, Исаакий Хмарный использует сложившуюся панегирическую терминологию, введенную в силлабическую поэзию еще Симеоном Полоцким:

Понеже ти велия радость принесеса,
егда Петр, император вторы ти дадеса.
Солнце тя днес второе озари прекрасно,
ибо взыде отчеству светило преясно, —

пишет Исаакий Хмарный о Петре Втором. Симеон же Полоцкий следующим образом характеризовал в «Стихах краесогласных» прадеда юного монарха, Алексея Михайловича:

Яко бо солнце весь мир просвещает
сиде во сердцах радость проникает
От лица царска. Тем же припадаем
к стопам ти, яже лобзати желаем.

Автор «Образа победоносия» приветствует нового монарха словами:

Поздравляю возшедша на холм выше трона,
да сияеши наша оборона. . .

В свое время Симеон Полоцкий тоже говорил:

Без тебе тма есть, ак в мире без солнца,
свети ж нам всегда и будь оборонца. . .

Подобные совпадения говорят, разумеется, не о прямых заимствованиях Исаакия Хмарного у Полоцкого: он мог и не читать произведений последнего, но они лишний раз свидетельствуют о формировании одического стиля задолго до Ломоносова.

Важное место среди персонажей второго акта занимает Россия. Этот образ знаком всем жанрам литературы с начала XVIII в.: «Отечество русское» упоминается в числе главных героев программами пьес о Северной войне; России по существу посвящены все проповеди Феофана Прокоповича; «российская Европа» изображается равной другим странам в «Повести о Ва-